

Друг о друге известнейшая актриса Нина ШАЦКАЯ и знаменитый актер, писатель, режиссер, сценарист Леонид ФИЛАТОВ готовы говорить часами, вспоминая мельчайшие подробности своей жизни. А вся их жизнь - это история любви, какую редко встретишь в реальном мире. Их звездный спектакль в Театре на Таганке «Мастер и Маргарита» стал пророческим. Роман о прекрасной и жертвенной любви повторился. Она твердо знала, что ее Мастер пройдет все испытания и не оставит ее одну. Любовь побеждает смерть

**НИНА ШАЦКАЯ,
ЛЕОНИД ФИЛАТОВ:**

ИСТОРИЯ

МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ

Антонина - 1998 - 28 марта (пт) - с. 5

Нина ШАЦКАЯ: Вы же знаете, мы с Леной работали в одном театре. Но он туда пришел позже меня, все наши дамы им сразу же заинтересовались: еще бы - молодой, красивый, умный. А я на Леню поначалу не обратила никакого внимания: у меня только что родился ребенок, я смогла вернуться к работе и посторонние мужчины меня не интересовали. И в первый раз я его «заметила» на читке какой-то пьесы - увидела сначала Ленины прекрасные руки с тонкими изящными пальцами, похожие на руки музыканта. А потом подняла глаза, чтобы посмотреть на обладателя этих рук.

Но любви с первого взгляда не было, мы почти год просто работали рядом. И вдруг Леня мне прикинулся. Сам сон не помню, но проснулась я в каком-то непередаваемом состоянии и сразу же побежала в театр. Как во сне, стояла за кулисами и единственным моим желанием было увидеть Леню. Кто-то неслышно подошел сзади и нежно поцеловал меня в затылок - это был Он. И начался какой-то бред: мы полгода встречались, и если нам казалось, что нас никто не видит, то мы просто стояли рядом, как две лошади в стойле. Я клала ему голову на плечо - и большего счастья мне было не надо.

Леонид ФИЛАТОВ: Конечно, было смешно предполагать, что о нашем романе никто не знает. Но нам хотелось верить в то, что это была наша маленькая тайна. Да и

по тому, как мы себя вели, можно было обо всем догадаться. Говорят, что любовь стимулирует творчество. Точно могу сказать, что это неправда. Может быть, после того, как переживешь первое ослепление, и начинается творческий подъем. Но когда ты влюблен, то сил хватает только на любовь, а все остальное неважно.

Н.Ш.: Мы очень долго шли к тому, чтобы соединиться. Ведь я была замужем за Золотухиным, Леня тоже был женат. Те годы для меня были очень трудными, и я не люблю рассказывать о своем первом замужестве. Наверное, Богу было угодно провести меня через все эти испытания для того, чтобы я ощутила всю полноту счастья. Леня для меня - подарок судьбы. Мы вместе с 70-го года, и я до сих пор влюблена в него. Общий быт обычно разделяет людей, а нам вместе настолько хорошо, что мы вообще стараемся не расставаться. Нам с Леной друг без друга плохо.

Мы даже работать все время хотели рядом. Леня специально ввелся в спектакль «Мастер и Маргарита» на роль Мастера, которая ему не слишком нравилась, чтобы быть со мной. Специально для меня он написал телевизионный цикл о Пушкине, я пела песни на его слова.

Л.Ф.: На самом деле в том, что я влюбился в Нину, не было ничего оригинального. Она была потрясающе красива: тонкая, изящная, какая-то готическая. Но я всегда считал Нину женщиной несколько взбалмошной, экстравагантной,

думал, что в беде на нее нельзя положиться. И когда я заболел и несколько лет практически не покидал реанимацию, то никакого самопожертвования от нее и не ждал. Можно совершить подвиг в экстазе, ослепив себя на несколько минут, броситься на амбразуру. Но на то, чтобы много лет чуть ли не каждый день ездить в больницу, ухаживать за почти умирающим - а я тогда на самом деле умирал, - способен далеко не каждый. Мои близкие мне, конечно, ничего не говорили, но врачи не оставляли им никакой надежды.

Н.Ш.: Я всегда точно знала, что с Леной все будет в порядке, что он пройдет через эту болезнь. Когда в 1996 году я получала за него «ТЭФИ» и сказала на церемонии, что Леня обязательно выздоровеет, я в это верила совершенно искренне.

Л.Ф.: А еще у нас с Ниной есть совместное произведение. Когда я мотался по этим больницам, лежал на диализе, то всегда старался себя чем-то занять. И придумал пьесу «Любовь к трем апельсинам», это по либретто, которое написал Гоцци. Но писать я тогда вообще не мог, обдумывал все куски в голове, заучивал их наизусть, а потом диктовал Нине. Когда мы отдавали ее в печать, то все удивлялись, почему это пьеса написана рукой жены. Без нее я бы ничего не смог.

Н.Ш.: Леня будет жить столько, сколько отпущено мне. А я собираюсь жить очень долго. Так что о нас когда-нибудь напишут: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день».